

• Содержание •

Медвежий дом	7
Восемь ночей любви. 1792.	37
Год без лета. 1816	52
Филин и мышь. 1848	69
Река родины. 1863	84
Вся правда о моей матери. 1903	100
Правила преданности. 1918.	117
Жена рыбака. 1935.	133
Поцелуй меня и скажи. 1945	161
Блэкуэлльское чудовище. 1956	183
Грех. 1961	216
Черный кролик. 1961.	245
Красный сад. 1986	270
Осиный король.	305

• Медвежий дом •

Город Блэкуэлл в штате Массачусетс получил свое название в 1786 году. Сначала, с момента своего основания в 1750 году, он назывался Беарсвил — Медвежий поселок, но скоро стало ясно, что такое название мало способствует привлечению новых поселенцев. Черных медведей и правда в лесах было почти так же много, как сосен, но угря в реке водилось больше, чем росло папоротника на берегах. Можно было просто сунуть руку в мелкую зеленоватую жижу и поймать полдюжины рыбин без всякой удочки. А если бы вы рискнули зайти в воду по пояс, то угри вмиг облепили бы вас со всех сторон. Однако никому и в голову не пришло назвать город в их честь Угорьвиллом или как-нибудь в этом роде, хотя горожане часто и охотно ели пирог с угрем, а многие мужчины носили ремни и ботинки из кожи угря. Они утверждали, что кожа угря приносит им удачу в картах, правда, других сторон жизни — взять, к примеру, любовь или предпринимательство — эта удача даже краем не касалась.

Первое название города всегда вспоминали и обсуждали в августе — в этом сухом желтом месяце, когда трава поднимается высоко и медведи объедаются до отвала черникой на горе Хайтоп, скалистой достопримечательности округа Беркшир, которая отделяет Блэкуэлл от остального мира. В августе проводился праздник памяти Хэлли Брэди, но тот, кто думает, что она родилась в этом месяце, ошибается. На самом деле она родилась в английском городе Бирмингеме 16 марта, и ей выпала нелегкая доля. Рано осиротев, предоставленная лишь себе, она вынуждена была в возрасте одиннадцати лет поступить к шляпным дел мастеру. Работа была крайне неприятная, она не ограничивалась тем, чтобы выкраивать из черной ленты повязки для шляп. Хозяин мастерской неотступно что-то вынюхивал и выслеживал, хватая Хэлли за бледный веснушчатый подбородок так, словно она была его вещью. Она ждала своего часа. Она была из тех людей, которые готовы встретиться с неизвестностью, это девушка, которая уверилась в том, что больше ей терять нечего. По сравнению с ее детством все трудности Беркшира покажутся раем, если не считать суровых, почти бесконечных зим.

Даже в разгар летней жары, когда над рекой звенят комары, а в окна домов бьются пчелы, при взгляде на Хайтоп людей пробирала дрожь. Не все наделены таким мужеством, как Хэлли Брэди, и местные жители, которые пришли позже основателей города, прекрасно знали, как убийственны темные зим-

ние месяцы в этих краях. Они диву давались — как поселенцам удалось пережить свою первую зиму, с медведями под каждым деревом и сугробами в человеческий рост. До появления Хэлли Брэди со спутниками дальняя сторона горы Хайтоп была необитаемой. Аборигены, которые жили поблизости, клялись, что ни одному человеку не будет счастья на западном склоне горы. Охотники никогда не ступали на эту землю, несмотря на то что леса кишели пушниной, лисой и волком. Там в несметном количестве водились краснохвостые ястребы, олени, белки и медведи. И все-таки охотники предпочитали держаться подальше от этих лесов. Они верили, что есть заповедные места и что человек такой же царь природы, как и пчелы, которые роятся летом на склонах горы.

Отряд первых поселенцев возглавлял Уильям Брэди. Он решил, что, прежде чем отправиться в дикие западные земли Массачусетса, следует обзавестись женой, спутницей, готовой разделить с ним тяготы путешествия. Он повстречал Хэлли в Бостоне месяц спустя после ее приезда, еще меньше чем через месяц они скрепили союз клятвой, сказав друг другу «да», и пустились в путь, на запад. Хэлли сама заботилась о себе после отъезда из Англии. Уильям был первым мужчиной, который сделал ей предложение, и она, недолго думая, согласилась. Она не верила в любовь, но верила в свое будущее. Ему было сорок, ей — семнадцать. Он потерпел крах во всех своих начинаниях, она еще не начинала жить. После первой брачной

ночи, проведенной в шумной гостинице недалеко от бостонского порта, у Хэлли возникло впечатление, что их брак — ошибка. Исполнив супружеский долг, Уильям провалился в глубокий, тревожный сон. Занимаясь любовью, он не проронил ни единого слова. По здравом размышлении некоторое время спустя Хэлли поняла, что надо быть благодарной и за это, но в ту ночь она чувствовала себя невероятно одинокой, ведь она только что вышла замуж.

Уильям обладал одним достоинством. Он умел тирать очки. Получив согласие Хэлли выйти за него замуж, он вскоре после свадьбы сумел уговорить еще три семьи отправиться на запад. Путешествовать сообща безопаснее, особенно по горам. Свое согласие дали супруги Мотт и супруги Старр, а также семейство Партридж, у которого был маленький сынишка по имени Гарри. Хэлли вскоре стала подозревать, что вышла замуж за мошенника. И впрямь, Уильям Брэди спасался бегством от долговой тюрьмы, за ним тянулся длинный шлейф неудачных авантур, сопряженных с выманиванием денег у людей. Он убедил присоединившиеся к ним семьи оплатить все необходимое для экспедиции: лошадей, мулов, вяленое мясо, муку пшеничную и муку кукурузную. В обмен на это Уильям взял на себя обязанности проводника. Он заявил, что у него большой опыт, на деле же он никогда не бывал дальше Конкорда. Он водил их кругами весь октябрь. Нельзя было придумать ничего глупее, чем отправляться в путь по неразведанным землям без карты, да еще в октябре, — они плутали

по дикой местности, пока снежная буря не остановила их. Они как раз карабкались на гору Хайтоп, когда разыгралась непогода. Место, где они окопались, спустившись обратно в долину, и стало началом Беарсвилла, Медвежьего поселка.

Первым увидел медведя шестилетний Гарри Партридж. Зима еще не вступила в свои права, но снег на земле уже лежал. Они жили как цыгане, пока мужчины трудились в поте лица, чтобы построить настоящее жилище. Гарри крикнул, чтобы все бросили работу и посмотрели, что он там нашел. Мужчины оставили кособокую деревянную избушку и пошли за ним. Они расхохотались, увидев высоко на дереве беличье гнездо из листьев, которое городской бостонский мальчик вполне мог принять за хищного зверя.

С тех пор это место стали называть «медведем малыша Гарри».

— Ступай туда, к «медведю малыша Гарри», найдешь там вязанку хвороста, — обычно говорили они друг другу после того случая. — Поверни налево возле «медведя малыша Гарри» — и выйдешь к ручью.

Сами того не осознавая, они обижали малыша Гарри, и его лицо всякий раз при этом заливалось краской. Но не он один боялся медведей. Женщины — Рэйчел Мотт, Элизабет Старр и Сюзанна Партридж, мама Гарри, — с наступлением темноты начинали нервничать. Они слышали подозрительный хруст, когда ходили собирать рябину — последний дар леса, которого вряд ли хватит, чтобы перезимо-

вать. На прибрежной грязи они видели отпечатки следов чудовищного размера. Ничего удивительного, что дамы плохо спали по ночам, даже после вселения в жалкую избушку, которую никакими усилиями не удавалось прогреть. Поселенцы оставляли очаг тлеть и днем и ночью, проветривая помещение через отверстие в крыше. От дыма их лица и руки почернели, несколько раз путешественники едва не замерзли до смерти. По утрам, когда они просыпались, их волосы и одежда хрустели от инея. Вполне вероятно, они бы умерли с голоду, проклиная и тот день, когда встретили Уильяма Брэди, и все последовавшее за этой встречей, если бы однажды Хэлли не отправилась к реке, подталкиваемая голодом и злостью. У нее в голове не укладывалось, до чего беспомощным оказался их отряд в трудной ситуации. Мужчины не умели охотиться. Они не были приспособлены к выживанию в лесу. У нее сложилось впечатление, что все околдованы этой горой, готовы лечь на свои соломенные подстилки, закрыть глаза и отказаться от единственной дарованной им жизни.

Хэлли решила действовать самостоятельно. Она перебралась через замерзшее болото, не обращая внимания на заросли колючего кустарника. Выйдя на берег реки, взяла камень и разбила им ледяную корку над водой. Запустив голые руки в ледяную воду, вытащила связку угрей для ухи. Рыбины извивались и вырывались, как обычно делают угри. Но из-за холода они почти впали в спячку, и Хэлли легко одер-

жала победу. Она проделала сюда долгий путь аж из самой Англии и не собиралась умирать в первую же зиму, пусть даже и на западном склоне этой высокой мрачной горы. Затем из прутьев и веревок она смастерила капкан и, сопровождаемая малышом Гарри, начала охотиться в полях на кроликов. Уже наступил ноябрь, и небо над горой вечерами светилось фиолетовым светом, словно чернила разлили по странице. Шагая по лесу, Хэлли и Гарри смотрели, как струйкой вьется в воздухе их дыхание. Они слышали, как копошатся в капканах пойманные кролики. Это правда: кролики плачут. Кричат как дети, испуганные и дрожащие.

Малышу Гарри было очень жалко кроликов, он хотел всех взять с собой, чтобы кормить и играть с ними. Но Хэлли терпеливо объяснила ему, что мертвец не может кормить кроликов и играть с ними. А без еды Гарри скоро умрет, как и все остальные. Она поставила точку в разговоре, твердой рукой свернув кролику шею. Затем сплела сеть из шелковой юбки, купленной в Бирмингеме, — лучше не вспоминать, что она вытерпела, чтобы заработать на эту юбку. Собственно, тем же способом она заработала и на дорогу до Бостона. Человек, который тогда увивался за ней, готов был платить даже за то, чтобы коснуться ее. Когда он получил свое, а она — свое, ей в голову вдруг пришла мысль о новом мире, который ждет ее, о девственных лесах, где высокие деревья укрывают тебя, где небо так близко, что кажется, вот руку протяни — и коснешься.

Уильям Брэди расхохотался над очередной затеей жены. Он сказал, что женщина не может ни охотиться, ни рыбачить, что она отморозит себе пальцы, только и всего, но она ушла в заснеженное поле, захлопнув за собой хлипкую дверь, и та долго покачивалась на петлях. У нее хватило терпения поймать форель в ручье, который она решила назвать ручьем Дохлого мужа. Это была не более чем мечта, фантазия, и Хэлли с Гарри часто смеялись по этому поводу, когда рыбачили вместе.

— Сколько дохлых мужей можно поймать в ручье?

— О, одного было бы достаточно!

Жаренная на черной чугунной сковороде форель имела восхитительный вкус, несмотря на то что у них не было ни соли, ни розмарина, приправить ее.

По ночам Хэлли спала рядом с Гарри. Она полагала, что ребенок нуждается в ее тепле, а не то может замерзнуть насмерть. Это было недалеко от истины — Гарри имел весьма хрупкое сложение, — но этот предлог заодно позволял ей избегать близости с мужем. Уловка сработала. Уильям Брэди был так изможден нескончаемыми хозяйственными заботами, что даже не пытался спорить и претендовать на собственную жену.

В середине зимы сугробы достигали восьми футов в высоту. Почти не оставалось дров для очага. Женщины перестали разговаривать между собой. Им нечего было сказать друг другу. Они страдали от смертельного голода. Элизабет Старр совсем поседела, хотя была еще молодой женщиной. Сюзан-

на Партридж, мама Гарри, напоминала привидение. Мужчины уже затруднялись вспомнить, какими же такими волшебными словами Уильям Брэди уговорил их уехать из Бостона, с чего начал этот разговор. Он вроде бы сказал что-то про землю — каждый, мол, приобретет столько, сколько пожелает, сколько сможет охватить взглядом, но сейчас это никому не казалось столь уж заманчивым. Все, что они приобрели, — это землю своего поражения. Две лошади и мул издохли, а потом были съедены, судя по всему, волками. Оставшихся двух лошадей, вороную и чалую, держали в той же хибаре, где жили сами, отгородив для них угол. Однажды ночью Хэлли почудился плач из-за лошадиной загородки, хотя она понимала, что этого быть не может — лошади ведь не глупые кролики. Однако наутро чалую нашли мертвой.

Хэлли восприняла эту смерть как послание от ангела-хранителя: тот, кто стоит на месте, обречен. Утром Хэлли надела на себя всю одежду, какая у нее была. Натянула высокие ботинки Уильяма. Наде-ла перчатки и закуталась в платок, который подарила ей перед отъездом из Англии жена шляпного мастера. Человек, который считал Хэлли своей вещью, ошибался, а его жена молила бога, чтобы оказаться на месте Хэлли. Она шепнула Хэлли, что тоже хотела бы отправиться в Бостон.

— Это же мои ботинки, — сказал Уильям Брэди, когда увидел жену в полной экипировке, готовую к выходу.